

Федор Углов

Под белой мантией

Федор Г. Углов Под белой мантией

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6698742
Под белой мантией/ Ф. Г. Углов: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084734-1*

Аннотация

Книга знаменитого хирурга – это и медицинский детектив, и точное описание жизни и быта людей советской эпохи, и бесценное свидетельство мужества, самоотверженности и доброты врача. Федор Григорьевич пишет о своих пациентах и реальных случаях из практики. В каждой строчке чувствуется, как важна для него человеческая жизнь, как упорно, иногда почти без надежды на успех, бьется он со смертью.

Начав читать эту невероятную книгу, полностью основанную на реальных событиях, оторваться уже невозможно!

Содержание

1. Точки отсчёта	5
2. Каждый день и всю жизнь	40
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Федор Углов

Под белой мантией

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

1. Точки отсчёта

1

Как-то мне позвонили из редакции «Правды»:

– У нас к вам просьба – проконсультировать и, если будет нужно, положить в клинику нашего сотрудника. Вы, наверное, слышали о Сергее Борзенко? Известный журналист, писатель, Герой Советского Союза. Он сейчас находится в правдинской больнице.

– Хорошо, завтра я собираюсь быть в столице и смогу посмотреть его.

... В палате я увидел высокого, крепкого сложения мужчину с добрыми, голубыми глазами. Пожимая мне руку, он улыбнулся. И было в его облике, улыбке что-то такое, что сразу располагало к нему, создавало впечатление, что мы давно знакомы. Однако у меня появилось и чувство тревоги: настораживали напряжённость больного, частые глубокие вздохи. Одышка в покое – признак тяжёлой сердечной и лёгочной недостаточности. Значит, дело зашло далеко.

– Расскажите, что у вас болит и когда вы заболели? – задал я стандартный вопрос, желая выяснить сущность болезни и знать, как сам больной её представляет.

– В моём теперешнем состоянии никого винить нельзя, кроме самого себя. Слишком небрежно относился к своему здоровью, считал, что его ничем не сломить.

– Нет, Сергей Александрович! Болезнь сильнее любого богатыря, если только её недооценить и дать ей развиться. С нею, как со всяким злом, надо бороться, пока она не укоренилась, не перешла в необратимую стадию.

О себе он поведал следующее.

Болен давно. Пожалуй, несколько лет, с временными облегчениями и частыми обострениями. Врачи признавали воспаление лёгких. Лечился в стационаре, но каждый раз, не закончив курса, выписывался, чтобы уехать куда-нибудь на длительный срок. То на Дальний Восток, то на Байконур, то на военные манёвры (интерес к армии не ослабевал ни на минуту). С повышенной температурой ему приходилось ночевать в палатках, под открытым небом. И неизменно – рецидивы воспаления лёгких.

Сомнения не было: картина хронической пневмонии.

Просматриваю снимки, анализы, внимательно выслушиваю пациента и отмечаю, что здесь предугадывается нечто более грозное, понять которое при беглом осмотре трудно. Необходимо тщательное обследование. И главное – надо правильно лечить пневмонию, чтобы после устранения её симптомов лучше могло выявиться основное заболевание.

Сергея Александровича перевезли к нам в Ленинград, в Институт пульмонологии.

В каждодневном общении перед нами открылась незаурядная личность – с цельным, мужественным характером при внешней застенчивости и великой скромности. И в необычайной для себя обстановке Борзенко не мог обходиться без дела (мы постарались создать ему условия для творческой работы), жил заботами и думами о человеке, шаг за шагом вникал в проблемы клиники.

– Кого вы сегодня оперируете? – спрашивал он меня, когда я утром заходил к нему в палату.

– Девочку Люсю, вы вчера с ней беседовали. Предстоит операция с аппаратом искусственного кровообращения.

– Можно посмотреть?

– Пожалуйста, если вам будет не трудно выстоять.

Позднее он долго говорил с матерью девочки и с ней самой.

Потом ещё не однажды – одиннадцать раз – присутствовал на моих операциях. обстоятельно разговаривал с врачами, сёстрами, с родственниками больных. Всё записывал в блокнот.

Я любил приходить к нему в конце дня, когда в клинике становилось тихо.

Много услышал интересного.

Родился Борзенко в 1909 году в Харькове. Мать – учительница, отец – фельдшер. В пятнадцать лет остался круглым сиротой. Учился в фабзавуче харьковских трамвайных мастерских, работал электриком в депо. Закончил вечернее отделение городского электротехнического института. Рано начал писать стихи, сотрудничал в заводских многотиражках, пока не сделался постоянным корреспондентом областной газеты. Изъездил всю Украину, своими глазами видел свершения первых пятилеток, хорошо знал стахановцев Донбасса, строителей Днепрогэса. В двадцатилетнем возрасте, будучи уже зрелым по мысли, взялся за историко-революционную эпопею «Какой простор!», которую открывал роман «Золотой шлях», но опубликовал его только после победы над фашизмом.

Грянула Великая Отечественная война. Он добровольцем уходит на фронт в составе редакции армейской газеты «Знамя Родины» и, выполняя её задания, часто оказывается на самых ответственных участках боевых действий наших войск. С августа 1944 года – корреспондент «Правды». Вместе с передовыми частями Красной Армии 22 апреля 1945-го вошёл в Берлин.

В сборнике очерков «Герои битвы за Кавказ» есть материал, посвящённый самому Борзенко. Что же главное захотели отметить в нём товарищи? Лучше, чем они, я не скажу, а потому приведу цитату:

«Мужество журналиста на войне многомерно. Прежде всего нужна гражданская смелость, чтобы через газету говорить солдатам правду, какой бы она горькой ни была... Журналисту нужна и воинская отвага, потому что настоящий военный журналист пишет свои репортажи не с чужих слов, а с места событий... Он искал интересных встреч с интересными людьми, а они никогда не отсиживаются в тиши...»

В первых же боях он убедился, что на войне надо быть прежде всего солдатом, а потом уже журналистом... И он учился быть солдатом. И стал им».

Сергей Александрович принимал участие в боях с немецкими танками, когда необходимо было развеять миф о непобедимости врага, ходил в рейды по тылам противника, вместе с разведчиками брал «языков», присоединялся к диверсионным отрядам, отправился с легендарным десантом на Малую землю и провёл там свыше полугода. Это он оставил нам такие строки: «Малая земля стала родиной мужества и отваги. Со всех сторон спешили сюда отчаянные души, горевшие неугасимой ненавистью к врагу. Тот, кто попадал на Малую землю, становился героем. Трусы или умирали от разрыва сердца, или сходили с ума. Здесь не было ни одного метра, куда бы не свалилась бомба, не упала бы мина или снаряд. Фашистские самолёты и пушки вдоль и поперёк перепаживали клочок земли, на котором не осталось ничего живого – ни зверей, ни птиц, ни деревьев, ни травы. Никого, кроме советских воинов». Плечом к плечу с ними сражался и Борзенко.

Он был награждён двадцатью боевыми орденами, не считая медалей. Первому среди журналистов и писателей ему присвоили звание Героя Советского Союза. Произошло это в 1943 году, когда освобождали Крым.

Мне довелось познакомиться с текстом наградного листа. Там говорится:

«В ночь на 1 ноября 1943 года писатель армейской газеты «Знамя Родины» майор С. А. Борзенко высадился с десантом 318-й Новороссийской стрелковой дивизии на крымской земле. В силу сложившихся обстоятельств ему пришлось руководить боем. Вместе с офицерами и солдатами С. Борзенко отбивал гранатами танки противника, которым уда-

лось прорваться на 100 метров к командному пункту. Были дни, когда бойцам приходилось отражать контратаки противника по 17–19 раз, и всегда вместе с ними находился писатель С. Борзенко».

Текст скупой, без эмоций, что характерно для официальных документов. Куда больше поводов к раздумьям и восхищению человеческим духом даёт очерк самого Борзенко «Пятьдесят строк», где он вывел себя под именем Ивана Аксенова.

«Армия готовится к прыжку через Керченский пролив, и теперь понаедет уйма корреспондентов из фронтовой газеты, из Москвы. Только кто из них отважится идти с первым броском?» – раздумывал Аксенов незадолго до того момента, как его вызвали к редактору.

– Товарищи, получен приказ, – сказал редактор. – Одна из дивизий нашей армии должна форсировать Керченский пролив, ворваться на берега Крыма, захватить плацдарм. Кто из вас добровольно, – он с нажимом повторил, – добровольно пойдёт в десант?

Вызвался Аксенов. Среди сотрудников как-то само собой загодя решилось: в десант идти ему.

– Десант выходит в море завтра в полночь. Я оставляю, майор, на первой полосе пятьдесят строк и не буду печатать газету, пока не получу эти пятьдесят строк... Понятно? Отправляйтесь в Тамань к полковнику Гладкову. Он назначен командующим десантом, – закончил редактор.

В Тамани Аксенов узнал, что полку, который будет осуществлять прорыв, придаётся батальон морской пехоты. Во всяком наступлении кто-то идёт первым; даже если наступает армия – сто пятьдесят тысяч человек, – кто-то идёт первым. Такая задача стояла перед батальоном моряков. А уже по их расчётам, мотобот с корреспондентом должен был причалить третьим. Однако во время операции два передних мотобота потопили вражеские снаряды, и суденышко с Аксеновым первым подошло к берегу, заносимому ослепительной метелью цветных трассирующих пуль...»

Сергей Александрович рассказывал мне:

– Едва достигли мы середины пролива, как фашисты, повесив ракет, обрушили на нас шквальный огонь из дальних и ближних орудий. Лишь немногие плавсредства достигли крымского берега – но и здесь нас обстреляли из окопов и оборонительных прибрежных укреплений. Зацепились на каком-то пятачке, огляделись. Оказалось, что среди высадившихся нет никого из командиров подразделений – или погибли, или не смогли пробиться. Из живых я самый старший по званию, и руководство операцией надо брать на себя. Отдаю приказ: «Резать проволоку! Приготовить гранаты!»

А вот – снова факты из очерка.

«На берегу, скользком от крови, корреспондент палил из автомата, бросал гранаты, дело дошло до пистолетной стрельбы, затем, вспомнив, что его задача – написать пятьдесят строк, с нетерпением ожидаемых в редакции, забежал в горящий дом и при свете пылающей крыши на разноцветных листках какой-то немецкой квитанционной книжки, попавшейся под руку, написал заметку «Наши войска ворвались в Крым». Он описал всё, что увидел в бою, назвал фамилии двенадцати матросов, храбро сражавшихся рядом с ним. Заметку завернул в тонкую противоипритную палатку, чтобы бумага не размокла в воде, отдал связному, и тот увёз её на последнем мотоботе, отчалившем на Тамань.

Опубликовав драгоценные сведения, газета «Знамя Родины» точно указала: «В ночь на 1 ноября. Берег Крыма (материал доставлен связным рядовым И. Сидоренко)».

Сведениям этим, как выяснилось позже, действительно не было цены. В штабе, на Большой земле, напряжённо ждали сообщений от десантников, а они всё не поступали. Рации не работали, их разбили, прорваться обратно сквозь сплошной огонь, видимо, никто не мог. О судьбе десанта неоднократно запрашивала Москва.

...Забрезжил рассвет, наступило утро, из тумана выглянуло бескровное солнце, осветило суда, понуро возвращавшиеся на таманский берег. К разбитому пирсу подошёл искромсанный снарядами сторожевой катер. С залитой кровью палубы поспешно снесли раненых, затем окровавленные тела убитых, бережно опустили мёртвого начальника переправочных средств Героя Советского Союза Сипягина. Последним, пошатываясь от горя, на берег сошел мокрый с головы до ног, бесконечно усталый Гладков, в отчаянии схватился за непокрытую голову, с тоской подумал: «Лучше бы меня убили».

– Товарищ полковник, вас просит к себе командующий фронтом...

...Подпрыгивая, «Виллис» мчался вдоль моря, мимо покрытых зелёными сетками тяжёлых батарей. Глядя на пушки и горы стреляных гильз, полковник внутренне содрогался. Если солдаты не зацепились за крымский берег – тысячи снарядов выпущены зря. Если?.. Он не мог ответить: зацепились или не зацепились? Из-за сильного огня катер, на котором он плыл в Крым, вынужден вернуться, вернулся командир полка, вернулись штабы.

Машина подошла к дому. У крыльца толпилась дюжина корреспондентов. Часовой, почтительно козырнув, открыл заскрипевшую дверь, и Гладков очутился в полутёмной комнате, среди военных разных рангов. За столом, заваленным картами и донесениями, в шинели, накинутой внапашку, сидел бритоголовый маршал Советского Союза.

– Вернулся? – укоризненно спросил он, не подавая полковнику руки.

– Так точно, – ответил Гладков.

– Высадились наши войска на крымский берег?

– Не знаю. – Гладков покраснел, готовый провалиться сквозь землю.

– А кто знает? – повысил маршал сорванный на телефонных разговорах голос...

– Видел на том берегу автоматные вспышки, слышал разрывы гранат, – сказал полковник.

– Твои люди высадились, а ты не смог, – сказал маршал и прикрыл выгоревшими ресницами серые, усталые глаза.

Гладков тоже закрыл глаза, и перед его внутренним взором возникло только что пережитое. Бурное, холодное море. Гибель судов, рвущихся не то на своих, не то на чужих минных полях. Плотная завеса заградительного огня, словно дождь, соединившая небо и землю, сквозь которую ничто живое не способно пробиться. Удар снаряда в катер, режущий свист осколков, наповал сразивших Сипягина и офицеров дивизии. Объяснять всё это маршалу не имело смысла. Полководец не понял бы его, как он сам не понял бы младшего по чину офицера, не выполнившего задания...

Вошёл дежурный офицер и отрапортовал:

– На проводе Ставка Верховного главнокомандования. Запрашивают: высадились ли наши войска в Крым?

– ...Москва ждёт, что я скажу?.. У моего дома собрались корреспонденты всех газет. Что я скажу? Что ты побоялся подойти к берегу? Да?

– Не знаю, что им сказать, – тихо проговорил Гладков. – Только я не боялся...

Скрипнула дверь, и в ней, как в раме, возник высокий молодой полковник. В поднятой руке его, словно голубь, готовый вырваться, белела газета.

– Ура, товарищи! Наши на том берегу!

Наступила пауза.

– А ты откуда знаешь, начальник политотдела? – с облегчением и недоверием спросил маршал.

– Как откуда? В газете написано.

– Постой-постой, в какой газете? Что написано?

– В нашей, армейской, «Знамя Родины».

– Ну-ка читай, – попросил маршал, доставая из футляра очки в золотой оправе.

– Заметка называется «Наши войска ворвались в Крым», – громким голосом отчётливо прочёл начальник политотдела.

– Ничего не скажешь, заголовок хорош, – хором подтвердили корреспонденты, под шумок протиснувшиеся в комнату.

– А может, он с этого берега накропал? Знаем этих борзописцев – все могут выдумать, фантазии у каждого хватает на десятерых, – сказал маршал повеселевшим голосом.

– Э, нет! Я знаю Ваню. У нас была беседа перед десантом. Да и под заметкой написано: берег Крыма, – уверенно ответил начальник политотдела.

– Когда они успели?.. Ведь с тем берегом никакой связи... Оттуда ни слова... А тут газета, и с такими подробностями! – завосхищались вдруг офицеры и генералы.

– Товарищ маршал Советского Союза, – сразу оценив изменившуюся обстановку, попросил полковник Гладков, – разрешите отправиться на ту сторону пролива и принять командование над высадившимися войсками!

– Да-да, дорогой, езжай. Ни пуха тебе ни пера. – Маршал поднялся, пожал руку полковнику, обнял его и торопливо пошёл в аппаратную.

– ...Ставка? На проводе командующий фронтом... Наши войска ворвались в Крым... Ворвались в Крым, говорю... Да, ворвались и успешно продвигаются вперед...»

Сергей Александрович вспоминал:

– Окопавшись на захваченном участке в ожидании подкрепления и подвоза боеприпасов, мы готовились к отражению контрнаступления. Оно не заставило себя ждать. Враг хотел во что бы то ни стало сбросить в море и уничтожить десант. Атаки следовали одна за другой. На горстку бойцов обрушились танки, самоходки, самолёты. Бушевал сплошной огонь. Люди гибли у меня на глазах.

Настал такой момент, когда оставшиеся в живых решили пойти в открытую атаку, чтобы с честью умереть в последнем бою, – не было ни патронов, ни возможности обороняться.

Мы поднялись и пошли с песней. И в эту критическую минуту с Тамани раздались залпы дальнобойных орудий. Противника охватило замешательство, а тут показались и наши подкрепления. Осуществлялся приказ Сталина – бросить все силы на расширение крымского плацдарма. Мы отбивали у фашистов новые и новые позиции.

О десантной операции в Крым, – заключил Сергей Александрович, – писали в общем-то немного, но героизма солдат и офицеров хватило бы на несколько романов...

Он говорил не о себе – о других, а то, что прошёл бесконечно длинные дороги войны, не прячась от опасности, жил с народом на одном дыхании, вроде бы само собой разумелось.

Материалы Борзенко, подчёркивали его товарищи, отличались исключительной правдивостью. Никакая выдумка, никакая фантазия никогда не заменит достоверности факта, живого примера. Он умел видеть то, что могло поразить воображение, чувствовать красоту и величие человеческого духа. Подтверждение этому он находил и на театре военных действий в Корее в 1950–1953 годах, и когда началась отечественная летопись освоения космоса, и в мирных буднях. В поисках именно достоверности факта он не переставал колесить по стране: «Передо мной текли реки людей...»

Разумеется, тут я попытался обобщить всё, что мне удалось узнать о Борзенко – писателе и человеке. Лишь малую долю информации дал он сам. Больше я основывался на собственных впечатлениях, да ещё помогли его сборники повестей и рассказов, предисловие к книге «По дорогам войны», написанное сыном – Алексеем Борзенко, опубликованные свидетельства очевидцев.

2

В Институте пульмонологии Сергею Александровичу с каждым днём становилось лучше. Этому, конечно, способствовали его оптимизм и жизнелюбие. Когда ни спросишь: «Как себя чувствуете?» – он ответит: «Прекрасно! Вы так лечите, что у вас нельзя не поправиться».

И всё-таки нас тревожили большие цифры РОЭ (реакция оседания эритроцитов), что свидетельствовало о торможении защитных процессов в организме. И мы снова подвергли Борзенко обследованию и лечению.

А Сергей Александрович, чувствуя себя бодрее, всё глубже вникал в наши интересы.

– Великолепную клинику построили! Всё продумано. И оборудование у вас, как мне кажется, первоклассное.

– В клинике была острая необходимость.

– Да, я знаю, вы не имели подходящих условий для сложных операций.

– По существу, не было никаких условий, и если мы что-то делали, то только благодаря энтузиазму врачей. Наша больница основана 125 лет назад, когда операции по поводу грыжи и аппендицита считались опасными и сопровождалась высокой смертностью. Резекции желудка совсем не производились. А мы стали оперировать на лёгких и сердце. Это всё равно что заводу вместо зажигалок на той же базе пришлось бы выпускать блюминги. Много мы хлопотали, добивались. Спасибо секретарю обкома Ивану Васильевичу Спиридонову.

– Я слышал о Спиридонове, – в раздумье проговорил Сергей Александрович. – Расскажите, пожалуйста, что он за человек, в чём выразилась его помощь?

О Спиридонове все ленинградцы очень хорошо отзывались. Его не просто уважали – его любили.

Мне пришлось пойти к нему в связи со строительством клиники. Позвонил и попросился на приём. Он сказал: «Заходите». И назначил день и час.

Во время нашей беседы внимательно слушал. Перебивал редко, чтобы задать уточняющие вопросы. И почти все мои предложения записывал в тетрадь. Вывод был краток:

– Постараемся удовлетворить ваши просьбы.

Прощаясь, я пригласил его посетить нас. Спиридонов ответил: «Приду обязательно».

С тем мы и расстались.

Через два-три дня мне сообщили: Иван Васильевич приедет посмотреть операцию.

Мы не думали, что визит секретаря обкома повлечёт за собой столь важные последствия. И всё же с некоторым волнением ожидали его. Меня не смущал посторонний: я уже привык оперировать в присутствии студентов, аспирантов, учеников, врачей из других клиник, городов и стран. Случается, операцию смотрят крупные специалисты. Неизменно сосредоточиваюсь, весь внимание, слежу за каждым своим движением, чтобы не ошибиться, не сделать неверного хода. Я забываю о том, что происходит вокруг меня. Тут помогает чувство высочайшей ответственности перед человеком, который доверил тебе свою жизнь.

Операция проводилась по поводу митрального стеноза. Риск был очевиден. В тот период, когда обезболивание ещё не было безупречным, подобная операция могла кончиться трагически даже на операционном столе.

От молодой женщины, решившейся на крайний для неё шаг, ничего не скрывали. Последние годы болезнь приковала её к постели. Муж, ребёнок совершенно заброшены, и она хотела любой ценой поправиться – не столько ради себя, сколько ради них. «Самый печальный исход, – говорила она, – лучше моего теперешнего положения. Я хоть не буду балластом для близких».

Мы рассказали Спиридонову об этой пациентке довольно подробно, чтобы он видел не просто хирургическое вмешательство, а стратегию, призванную вывести женщину из безнадежного состояния. Показали рентгеновские снимки и объяснили сущность нашей операции на наглядных таблицах. Мои помощники надели на гостя халат, белые матерчатые сапоги и посадили на скамью амфитеатра.

Больной вскрыли грудную клетку, обнажили сердце, захватили ушко левого предсердия лёгким кривым зажимом и отсеки верхушку настолько, чтобы через это отверстие вошёл палец. С помощью расширителя, введённого через другое специальное отверстие в стенке левого желудочка, разорвали комиссуры (спайки), суживающие клапан, и восстановили надлежащее сообщение между предсердием и желудочком, то есть ликвидировали стеноз, или сращение створок, – следствие ревматического процесса.

На каждое наше прикосновение сердце отвечает дополнительными сокращениями, но если прикосновения мягкие и непродолжительные, а наркоз хороший, то быстро возвращаются и нормальный его ритм, и нормальная работа. При этом обычно большого кровотечения не бывает, но всё же мы допускаем кратковременное выплёскивание крови прямо из сердца, что, естественно, производит впечатление даже на специалиста, а на непосвящённых людей – тем более!

Иван Васильевич наблюдал молча, не отрывая глаз. Когда же операция кончилась, он так же молча направился в мой кабинет. Скоро и я пришёл. Нам подали чай.

– То, что вы делаете, – сказал он, – находится в вопиющем противоречии с имеющимися условиями. Нужно создать коллективу благоприятную обстановку.

Как мне потом стало известно, вернувшись к себе, он сразу связался с Советом Министров РСФСР, и в тот же вечер к нам позвонили из Москвы:

– Просим вас срочно представить свои соображения по строительству новой клиники госпитальной хирургии. Вопрос будет рассматриваться на ближайшем заседании...

Посещение секретаря обкома оставило неизгладимый след в памяти, и не только тем, что он так живо откликнулся на наши нужды. Иван Васильевич был прост, вежлив и тактичен со всеми, вплоть до санитарки. Он по-настоящему ценил труд других, понимал его значение. Сам был доброжелателен, спокоен, пунктуален и настойчив в делах. Добившись в Совете Министров республики разрешения на новую клинику, позднее навещался на строительную площадку и, если встречались заторы, препятствия, помогал их устранять.

Мне пришлось быть с ним на XXII съезде партии как делегату. И здесь в нём сказывалась государственная мудрость в сочетании с удивительной скромностью и человечностью. На строительство клиники ушло шесть лет. Все эти годы мы продолжали напряжённо работать. Не хватало кадров, аппаратуры, инструментария... Однако, несмотря на трудности, упорно продвигались вперёд.

При слипчивом перикардите предложили свой метод, который был продемонстрирован, в частности, в Индии. Впервые в нашей стране осуществили методику операции при циррозе печени. Освоили целый ряд разделов хирургии сердца и сосудов.

Мне выпала счастливая судьба быть в числе тех, кто не ограничивается лёгкими, проторенными дорогами, а ищет новые пути в борьбе за жизнь и здоровье людей. Это трудный путь борьбы и надежд, путь успехов и поражений, поисков и разочарований. Не всегда мы пользовались помощью и поддержкой тех, кто обязан это делать. Но всегда нам сопутствовали участие и симпатии больных людей – тех, кого мы стремились избавить от страданий. Горе и слёзы больных – вот что заставляло хирургов идти неизведанными дорогами и искать способы лечения многих трудных, неизлечимых заболеваний. Как и каждый человек, врач может сказать, что его рабочий день кончился, что он идёт домой; он может сказать, что вообще эти болезни в настоящее время ещё не лечатся, и спокойно отдыхать в кругу семьи или друзей, забыть о больных, ждущих от него помощи. Однако многие врачи, в особенно-

сти хирурги, этого не делают. Зайдите в клинику почти в любой операционный день. Зайдите поздним вечером – у постели больного увидите не только дежурного врача. Здесь найдёте и лечащего врача, и ассистентов хирурга, которые принимали участие в операции, и наркотизатора – он давал наркоз больному, и уж, конечно, встретите вы здесь самого хирурга. Все они у постели тяжелобольного, проверяют его пульс, давление, считают число дыханий, делают анализы состава крови, для чего специально просят лаборантку задержаться после работы. Завтра, как всегда, с утра у них напряжённый день. И за проведённые у постели больного часы и сутки им никто не платит сверхурочные. Да, впрочем, они и не думают об этом. Их интересует судьба человека. Его надо спасти во что бы то ни стало. А завтра другой больной пойдёт на операцию, они и за него будут так же переживать, так же часами находиться у его постели, чтобы не пропустить какое-нибудь осложнение, вовремя его ликвидировать.

Таков труд врача, и таковым он был во все времена. Конечно, не будем говорить о людях, случайно оказавшихся на службе медицины. Они тоже есть. Я говорю об энтузиастах, хирургах-новаторах, врачах-исследователях – подвижниках, посвятивших себя трудному, но благородному делу.

Наша клиника институтская, в ней лечебная практика соединена с научным поиском. У нас стараются свято сохранять традиции отечественной медицины.

К нам идут люди, отягощённые недугом. Они знают, что исцеление может прийти только через операцию. Сознание этого приносит им дополнительное страдание, они обеспокоены ещё угрозой смерти и от самой операции.

Нынче много делается для обезболивания, уменьшения травматизма хирургического вмешательства, и всё-таки исцеление человека хирургом не бывает без болей. Поэтому особенно важно, чтобы хирург был твёрд, но и нежен, решителен, но заботлив, чтобы он был настойчив, но настойчивость его была бы проникнута гуманизмом. Нельзя идти в хирургию врачу, равнодушному к страданию больных, видящему в больных материал для научных исследований или путь к славе. В терапии, неврологии, может быть, это и не так заметно. В хирургии же это просто невозможно.

Если больные хирургу в тягость – операции у него не будут получаться, даже если он одержим в исследовательской работе. Смертность у такого хирурга будет большая. Это хирурги без призвания. Их прельщает слава, ради которой они готовы рисковать жизнью больного, лишь бы набить руку. Они не тягостятся жертвами. Но они и не знают постоянного глубокого удовлетворения от своей работы, которое испытывает врач, любящий больных, как своих близких. Последнему неважно – редкая ли это операция или ординарная, принесёт ли она ему славу или никто на неё не обратит внимания. Ему важно то, что он с помощью этой операции спас конкретного больного, вернув его в семью и рабочий коллектив. В этом и есть смысл и радость нашей профессии.

За долгую практику я видел множество людей, сражённых тем или иным недугом. Но болезни сердца явно стоят особняком, не говоря уже о том, что они держат печальное первенство среди прочих причин смертности.

Мы знаем по опыту, как чутко реагирует сердце на все события жизни, на каждое сказанное слово. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «отказы» сердца тяжело отражаются на всём организме, на психике заболевшего. Он остро переживает ограничение, а то и полную потерю активности.

Человек прикован к постели. Сознание ясное, он привык и хочет трудиться, приносить пользу. Но... вынужден лежать. Зачастую сердечные больные не могут даже двигаться. И не день, не неделю, не месяц. Несколько лет. Чем дальше, тем хуже. И если другие боятся хирурга, стараются обойтись без него, то такие больные всегда настаивают на операции. Они знают: другого выхода нет, это их последняя надежда.

Помню нашу первую операцию по поводу митрального стеноза в то время, когда наркоз был ещё несовершенен. Опасаясь осложнений, решили оперировать под местной анестезией. И допустили очень большую ошибку.

Больная – у неё четвертая-пятая стадия сердечной недостаточности – при вскрытии грудной клетки стала задыхаться, состояние сердца резко ухудшилось. Нужно было вспомогательное дыхание, которое возможно при наркозе и невозможно при местной анестезии. Сердце, едва мы к нему прикоснулись, остановилось. Прибегли к массажу и в перерывах делали своё дело.

Закончили операцию, но деятельность сердца восстановить не смогли.

Мы были потрясены происшедшей на наших глазах катастрофой.

Повторилось то, с чем неоднократно сталкиваешься при разработке новых операций. Пока читаешь, экспериментируешь, всё кажется простым и ясным. Когда же перед тобой ослабленный человек, резервы которого истощены до предела, картина во многом меняется.

Роковой исход при применении нового способа всегда ложится тяжким моральным бременем и на самого хирурга, и на весь коллектив. Как бы ни утешало сознание того, что положение больного было безнадежным, от этого не становится легче. Неудача порой надолго отбивает охоту к дальнейшим поискам – превалирует психологический фактор.

Перед врачами постоянно встают вопросы нравственного характера. Например, показания и противопоказания. Кого класть на операционный стол, чтобы проверить выбранный метод? Надежнее – более лёгких больных, это ясно. Но если человек чувствует себя сносно, он не согласится на неизведанное испытание, да и лечащий его терапевт будет против, и он по-своему прав. Пойдут на операцию, что называется, безоглядно те, кто иначе не имеет шансов выжить. Но они слишком слабы, и риск для хирурга велик. Получается заколдованный круг: или иди на риск, или брось, отступи от того, чего ещё никто не делал.

А как же с прогрессом медицины? И как быть с несчастными, поставленными судьбой на край могилы?..

Прошли месяцы упорного, напряжённого труда, прежде чем мы отважились на второй подобный шаг.

На этот раз, конечно, отказались от местной анестезии. Тщательно проверили действие внутритрахеального наркоза. Скрупулёзнейшим образом отработали анатомическую часть. Уделили пристальное внимание предоперационной подготовке.

С волнением готовился я ко второй операции.

Легко определил место сужения. Разорвал комиссуру. Палец вошёл в левый желудочек... От повторных попыток ещё больше расширить отверстие мы тогда отказались: длительные внутрисердечные манипуляции могли вызвать остановку сердца.

Теперь, анализируя свои ощущения, понимаю, что это расширение не было оптимальным. Но оно оказалось достаточным, чтобы состояние больной значительно улучшилось. В то же время наше вмешательство было не очень травматичным, и послеоперационный период протекал гладко.

Первый благоприятный исход открыл. Мы шли теми же путями, что и прочие ищущие хирурги как у нас в стране, так и за границей. Ценный опыт по хирургии митрального стеноза накопили клиники А. Н. Бакулева, П. А. Куприянова, А. А. Вишневого.

Это было начало 50-х годов, когда отечественная хирургия (что нелишне снова напомнить) ещё не располагала хорошим оснащением и наркозной аппаратурой и условия работы были гораздо хуже, чем у наших коллег на Западе, которого почти не коснулись разрушения военных лет. И всё же энтузиазм, неистощимая энергия врачей и сама система советского здравоохранения, доброжелательное отношение со стороны не только центральных, но и местных органов власти стимулировали новаторский поиск – особенно в сердечно-сосудистой хирургии.

За первой успешной операцией последовали другие. Больные, узнав о том, что у нас осуществляются такие операции, стали приезжать в клинику и самостоятельно, и по направлению врачей. Из других городов поступали сотни писем с просьбой о стационаровании. Их авторы старались подробно описать свою болезнь, чтобы облегчить постановку диагноза. Прочсть все эти письма одному было уже не под силу. Между тем заведующему кафедрой, профессору «личный» секретарь не положен по штату.

По моему глубокому убеждению, политика экономии лишь тогда приносит полновесные плоды, когда учитывается не только очевидный сиюминутный, но и отдалённый результат. А разве не бывает так, что мы выигрываем в мелочах и проигрываем в главном? Сократили в больницах, по существу, свели на нет институт санитаров. И бывает, что человека чудом возвращают к жизни (врачи вложили в уникальную операцию или в какое-либо реанимационное мероприятие всё своё умение), а он, переведённый потом в общую палату, лишается надлежащего ухода... Избавились от «лишней» единицы в штатном расписании клиники, но тем самым обнаружили... непоправимую расточительность в использовании высокой квалификации специалистов. Вместо того чтобы заниматься наукой, консультировать больных, производить операции, они вынуждены тратить дорогое время на нехитрую техническую работу...

Трудно заподозрить капиталистов в нежелании считать деньги. И совсем не случайно они допускают определённые расходы, чтобы обеспечить рациональное, чёткое разделение труда. Это неизменно окупается конечной пользой.

В 60-х годах я побывал у профессора Де Беки в Хьюстоне, в Бейлор-университете, в хирургическом департаменте. Профессору «приданы» 5 ассистентов и 13 секретарей. Руководит ими так называемый хозяйственный ассистент. И каждый до отказа загружен конкретными неотложными делами. О такой армии помощников пока не стоит и мечтать, но наличие хотя бы одного секретаря при заведующем кафедрой резко повысило бы объём и качество научной продукции и самого учёного, и возглавляемого им коллектива.

У нас переписку с больными и разными учреждениями вела особо выделенная для этого группа врачей. Из письма они должны были уловить суть, затем коротко доложить профессору и правильно ответить адресату.

Ввиду того что сведений, сообщенных в письмах, не хватало, мы просили прислать данные анализов, рентгеновские снимки, медицинское заключение и выписку из истории болезни. Всё это внимательно изучалось, а уж потом высылалось разрешение приехать в клинику. Однако заочно, по бумагам, никогда не удавалось точно определить состояние больного. Как правило, в действительности картина была значительно хуже. Случалось, что люди появлялись без приглашения – обычно с тяжёлой сердечной недостаточностью, которая усиливалась в дороге. Создавалась сложная ситуация: оперировать нельзя, так как требуется двух-трёхмесячное стационарное терапевтическое лечение, и не положить в клинику нельзя – не бросить же в беде.

Вот и думай, как поступить. Госпитализировав неоперабельного больного, ты тем самым надолго блокируешь место, лишаясь возможности кому-то помочь немедленно. Здравый смысл и логика подсказывают: целесообразно отказать. Но как откажешь задыхающемуся человеку, как отправишь его обратно? Ведь он может умереть, не добравшись до дома!..

Так жизнь ставила перед нами, казалось бы, взаимоисключающие задачи.

Мы очень тщательно осматривали и обследовали всех на амбулаторном приёме. Нам помогала администрация института; доброго слова заслуживают сердобольные сотрудники клиники, которые нередко предоставляли кров тяжёлым больным, чтобы те могли отдохнуть, прийти в себя.

При пороке, подлежащем хирургическому исправлению, мы иной раз брали больного и в неоперабельном на тот момент состоянии, надеясь улучшить его предоперационной подготовкой и со временем сделать операцию.

Чтобы была понятней деятельность нашей клиники, расскажу о двух характерных примерах.

3

Большая, дружная семья была у Василия Карповича Соловьёва. Трёх сыновей и трёх дочерей подарила ему жена Федосья Гавриловна. Сыновья молодцы, как на подбор. Дочери скромные, разумные, работающие. В колхозе Соловьёвы были на хорошем счёту. Василий Карпович, помимо сельского хозяйства, и по плотницкой и по столярной части мастер. Такими вышли и сыновья. И если сперва, пока дети были маленькие, трудно было отцу с матерью их прокормить, одеть, обусть, то как стали подрастать они, семья зажила исправнее.

К 1941 году братья и сёстры, кроме младшей – Маруси, уже работали. Дом наполнился счастьем. Но вот разразилась война, и не было в нашей стране семьи, которая в той или иной мере не пострадала бы от неё. Тяжкое горе принесла она и Соловьёвым. Все три брата с первых дней ушли на фронт, и все трое сложили головы, защищая Родину.

Потеряв сыновей, Василий Карпович не мог находиться в родном доме. После войны оставил он колхоз и пошёл на производство, благо давно его приглашали на фабрику. Жили они с пятнадцатилетней Марусей. Через два года младшая дочь заболела суставным ревматизмом. Мать по совету врачей делала ей солёные ванны, и месяца полтора спустя болезнь вроде бы поутихла.

Соловьёвы уехали в Иркутск. Маруся окончила курсы бухгалтеров, поступила на завод. Вышла замуж, родила сына. Всё было спокойно в течение шести лет. Однако потом стала замечать Маруся, что быстро устаёт и сердце бьётся ненормально. Появился кашель, усиливавшийся при ходьбе. Обратилась в больницу. Там признали порок сердца и одновременно обострение ревматизма. Лечили долго, но облегчения не добились. Выписали. Началось сердцебиение, колющие боли в сердце. За два года Маруся много раз лежала в больнице. Чувствует себя сносно; выйдет домой, на работу – ей опять становится плохо.

В двадцать восемь лет получила инвалидность. Но это было бы ещё полбеды. Мучила одышка. Опухали ноги. Увеличилась печень, скапливалась жидкость в животе. Чуть подвигается, и сейчас же заболит грудь, не продохнуть, тут же – кашель, а за ним – кровь. Весь её дневной путь – от кровати до дивана. И как пройдёт, долго отдышаться не может.

Сколько врачи её ни наблюдали, какие лекарства ни давали, улучшения не наступало. А однажды от какого-то укола сердце так заколотилось, что она надолго потеряла сознание.

Невыносимым было ощущение, что нельзя вдохнуть глубоко. Казалось бы, ничего не пожалела, только бы раз вдохнуть полной грудью.

Проходили дни... Недели... Месяцы... Никакого сдвига.

Послали запрос в Москву. Но в письме указали: недостаточность митрального клапана. А про стеноз не упомянули. И из Москвы пришёл отказ: таких операций не делают. Было это в 1958 году.

Сообщение привело Марусю в отчаяние. Надежда, которая затеплилась в её душе, опять рухнула.

Семья страдала вместе с нею. Спасибо сестра, приехавшая в Иркутск, помогала. Иначе было бы совсем невыносимо.

Но жить так хочется!.. Ведь ей всего двадцать восемь, а сыну восемь. Он нуждается в матери! У неё хороший, заботливый муж. Ни словом не упрекнёт!.. Навещают и сослуживцы.